

О.А. Халабуденко

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ: ОТ ФУНКЦИОНАЛИЗМА К КОНСТРУКЦИИ И ДЕКОНСТРУКЦИИ

Аннотация. В статье излагается авторское видение способов разрешения комплекса философско-методологических проблем, возникающих в сравнительном правоведении. Автор рассматривает вопросы определения предметной сферы сравнительного правоведения и анализирует методы, применимые к исследуемой сфере правовой действительности. Автор фокусирует внимание на необходимость дифференциации понятий «правовая культура» и «правовая традиция» и устанавливает соотношение между ними. Делается вывод, что правовая традиция представляет собой генерализированный инвариант результата сравнительного правоведения. В работе указывается на недостатки функционального метода. Доказывается возможность применения метода юридического конструктивизма для определения предметной сферы сравнения. В работе демонстрируется, что проявленный результат функционально-структурного метода возможен лишь на уровне сравниваемой правовой действительности. Релевантный концепт («конструкция»), по мнению автора, должен быть способен быть выраженным в объективированной форме, должен отличаться определенностью и характеризоваться автономностью среди других правовых явлений. В работе освещено авторское видение применения конструкций на трех уровнях измерения: теоретическом, нормативном и сущностном. Имплицитные свойства конструкции, характерные для каждого из уровней ее измерения, позволяют решить вопросы, возникающие при реализации задач сравнительного правоведения. Применение метода деконструкции дает возможность разрешить ряд методологических вопросов, связанных с применением метафизических понятийных категорий науки сравнительного правоведения, что подчеркивает эффективность метода конструктивизма для сравнительного правоведения.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, методология сравнительного правоведения, правовая культура, правовая традиция, функционализм, рецепция, правовые концепты, самоорганизующаяся система, юридическая конструкция, деконструкция

Сравнительное правоведение — рефлексия юридической науки по поводу правовой действительности, формирующейся в результате преодоления известного конфликта между универсальностью правовых теорий и методологических подходов, с одной стороны, и национальным уровнем существования правовых явлений — с другой. Взгляд на право как на феномен человеческого духа — концепт, восходящий к Римскому праву — основе современной цивилизации, по меньшей мере, в частноправовой сфере. Закономерности, действующие в социальной сфере, объясненные и понятые римской юриспруденцией, исходя из природы социального, послужили основой теоретических построений и выводов, общих для всех, кто осмысливает и применяет право на практике вплоть до наших дней. Универсальность генерализирующего метода *ius commune*, сложившегося в период рецепции Римского права как результат деятельности глоссаторов и комментаторов, позволяет утверждать, что правовые идеи имеют общую для участников правового общения природу, а, следовательно, могут быть достигнуты посредством единого правового метода.

Успех рецепции римского права — процесса, начатого в эпоху глоссаторов и продолжавшегося вплоть

до принятия кодификаций странами Восточной Европы (вторая половина XX в.), свидетельствует об универсальности типизированных правовых форм, воплощающих идеи, характерные для европейского правового пространства. В пользу такого утверждения свидетельствует общность правовых подходов, к которым прибегают участники правового общения в решении однотипных правовых проблем. Универсальность идеи права, впервые четко сформулированная римским юридическим гением, состоит в том, что любое жизнеспособное общество обеспечивает свое существование посредством правового общения, используя при этом рационально постигаемые, нормативно определяемые и защищаемые концепты. Собственно правовое общение, формирующееся первоначально в пределах семейных союзов (*divini et humani iuris communicatio*) и распространяющееся затем на все общество, закладывает основу будущего диалога правовых систем.

Очевидно также, что разрешение «в терминах и оценивание в нормах» Римского права правовых проблем, возникающих собственно за хронологическими пределами его действия, — не историческая случайность, а отражение закономерностей свойственных праву, как явлению социальной действительности. Эти

закономерности, впервые осмысленные в европейской традиции права, имеют универсальный наднациональный характер. Под воздействием римского права вырабатывается представление о тех свойствах и признаках, которые присущи всякому правопорядку, восходящему к европейской правовой культуре (европейской традиции права): «принципиальное отграничение права от религии, политики, и экономики: отделении права от неправы»¹. Эту правовую культуру характеризует понимание права как системы социальных ценностей, позволяющих легитимно присваивать блага в правовой форме, признавая и защищая их действующим правопорядком. Право при этом не ограничивается и не сводится к общеобязательным правилами поведения, поскольку таковые присущи и не-правовым состояниям. Следовательно, право не может быть отождествлено с системой норм (позитивным правом) даже тогда, когда такое требование выдвигает политическая власть: право ни количественно, ни качественно не сводимо к формам позитивного права. Европейская традиция права подходит к определению права через понятийные категории, разрабатываемые, прежде всего, университетской юридической наукой, в соответствии с которой право — *ars boni et aequi* — признает (легитимирует) и защищает справедливые формы присвоения благ. Отмеченные черты европейской правовой культуры важны не только *per se*, для оценки общего состояния «юридических дел» в правопорядках, относящихся к европейской правовой традиции, но и с точки зрения сравнительного правоведения: процесс становления римского права, а позднее рецепция римского права — наиболее яркие из примеров восприятия сравнительно-правовых результатов в истории права.

Возникший в связи с восприятием римского права (первоначально понимаемого как правопорядок, действовавший со времен легендарного основания Рима до завершения кодификационных работ при императоре Юстиниане) термин «рецепция», формирующий правовое пространство Европы, со временем перестает быть специальным. Его начинают использовать в сфере сравнительного правоведения во всех случаях, когда речь идет о восприятии одним правопорядком юридически значимых концептов, свойственных другому правопорядку². В широком смысле рецепция может быть определена как заимствование права, выработанного другим правопорядком, и приспособление его к условиям какой-либо иной юрисдикции. В этой связи Рене Давид (*René David*) замечает: «изучение сравнительного правоведения находит особое

место в странах, где происходил процесс рецепции»³. Тем не менее, рецепция не ограничивается процессом «заимствования иноземных норм и принципов в действующем, позитивном праве»⁴, но может рассматриваться как «восприятие духа, идей, главных принципов и основных положений той или иной локальной цивилизацией на определенном этапе ее развития»⁵.

Важный методологический вопрос возникает в связи с анализом результата рецепции, он предопределен самим ее характером и связан с двумя ключевыми понятиями, широко используемыми в компаративистике: «правовая культура» и «правовая традиция». Разумеется, проблема заключается отнюдь не в стремлении «избегнуть крошечной в понятии культуры коннотации враждебности»⁶, заменив термин «правовая культура» на аналогично нейтральное с точки зрения политкорректности понятие «правовая традиция». Дело в ином: традиция «подчеркивает характер права и правовой культуры как чего-то исторически сложившегося», а не продиктованного императивным велением актуальной действительности. В самом деле, «принцип традиции — в присутствии прошлого в настоящем, в сообщении настоящему значения способа существования прошлого»⁷.

Допустимо предположение, что правовая традиция (лат. *traditio* — передача) — это тот искомый генерализованный инвариант результата сравнительного правоведения, который может быть воспринят другой правовой культурой. Из сказанного можно сделать вывод, что в основе той или иной правовой культуры лежит общность правовых идей, находящих соответствующее воплощение в типизированных правовых формах как результат манифестации определенной правовой традиции. Следовательно, рассмотрение правовой культуры (с учетом социально-культурной составляющей) вне контекста правовой традиции, участвующей в ее становлении, сводит предмет сравнительного правоведения к области знаний, оперирующих юридической географией. В этой связи напомним, что релевантным основанием сравнения, значимого для компаративистики, может служить лишь правовое явление.

³ René David, *Comparative Law*// Encyclopædia Britannica Online// <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/129640/comparative-law>

⁴ Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов. М., 2008. С. 16

⁵ Харитонов О.И., Харитонов С.О. Порівняльне право Європи: Основи порівняльного правознавства. Європейські традиції. Х., 2002. С. 53.

⁶ Циммерман Рейнхард. Цит. соч. С. 214.

⁷ Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права. 2007 // под ред. Д.В. Дождева. СПб., 2008. С. 20.

¹ Циммерман Рейнхард. Римское право и Европейская культура // Вестник Гражданского права. № 4. 2007. Т. 7. С. 223.

² Концепт — содержание понятия (интенционал) как совокупность признаков обозначаемого понятием юридически значимого предмета.

Взаимосвязь и взаимозависимость правовой традиции и культуры прослеживаются при рецепции правовых концептов правопорядком, имевшим, до момента правового трансферта, отличные социально-культурные и экономические составляющие от тех, которые присущи воспринимаемой правовой традиции. Ярким примером тому является рецепция германского гражданского и торгового права Японией в конце XIX столетия. Рецепция изменяет правовую культуру страны-реципиента, воспринимающую правовую традицию, характерную для правопорядка — «традента». Правовые системы Англии, Германии, Франции, других европейских правопорядков являются результативно (эффективно)-сравнимыми, поскольку объединены общностью правовой традиции, восходящей к Римскому праву — *Common Core of European Private Law*.

Заметим, что право само по себе — феномен культуры, его следует рассматривать как форму «манифестации специфической культуры» и лишь в контексте определенной (сравнимой) правовой культуры. Общность правовой культуры позволяет рассматривать сравниваемые правовые концепты как отраженные в человеческом сознании свойства того или иного денотата через их единый ценностный смысл. В этой связи «универсализм сравнительно-правового подхода полагает нормальным состоянием единообразие, даже идентичность права во всех странах одного уровня развития, тогда как существующие сегодня различия — досадным отклонением»⁸. Как следствие, в сравнительно правовых исследованиях «акцент делается на сходстве, и в меньшей степени на различиях правовых систем»⁹.

Результат сравнения концептов, выработанных правовыми культурами, не связанными общностью правовой традиции, следует отнести к предметной сфере прикладной юридической антропологии. В этом случае полученный результат сравнения утрачивает юридическое измерение, принятое в сравнимых правовых культурах. Выводы же, полученные в рамках юридической антропологии, вытекают из изучения «внутреннего мира человека, позволяющего ему реализовать себя как творца правовой... реальности»¹⁰. Рассматриваемый мир, хотя и связан с рефлексией по поводу правовой действительности, однако не может быть положен в основу релевантного сравнительно-правового исследования. Сравнимые правовые образующие (*legal formants*) в этом случае по сути сведены к формам пра-

вовой аккультурации (юридизации), ведущей к становлению *homo juridicus*.

Тем не менее, современные национальные правовые системы характеризуются достаточно высоким уровнем унификации права — процесса, направленного на закрепление единообразных правил в наиболее значимых для международного правового общения сферах деятельности. Унификация права, выражающаяся в международных правовых актах, формирование вненационального *soft law* и наднационального права отражают практически применимый результат сравнительного правоведения. В исследованиях справедливо отмечается, что «успехи наднационального регулирования последних десятилетий опираются на сравнительно-правовые исследования»¹¹.

Результаты сравнительного правоведения востребованы и при применении традиционных для разрешения конфликтов коллизионных норм, в частности: при применении принципа наиболее тесной связи, при разрешении конфликта квалификаций, при применении понятия «публичный порядок» и т.д. В этой связи в науке широко обсуждается проблема соотношения предмета и метода сравнительного правоведения и международного частного права. Разброс точек зрения по данному вопросу простирается от признания конфронтации, возникающей между рассматриваемыми дисциплинами¹², до признания сравнительного права «чистой наукой» в противовес международному частному праву как части «действующего национального права»¹³.

Следует также отметить, что коллизионное право направлено на разрешение конфликтов, связанных с частноправовыми отношениями, тогда как сравнительное право охватывает все области сравниваемой правовой действительности. Однако, на наш взгляд, важно оценить не столько сферу применения полученного правового результата — в конечном итоге наднациональное правовое регулирование в гомогенизированных пространствах выходит за пределы сферы традиционно относимой к частному праву, охватывая публично-правовые аспекты несостоятельности (банкротства) лиц и налогообложения, — сколько форму, в которой этот ре-

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Antonios Emmanuel Platsas, The Functional and the Dysfunctional in the Comparative Method of Law: Some Critical Remarks, vol 12.3 Electronic Journal of Comparative Law, (December 2008)// <http://www.ejcl.org/123/art123-3.pdf>.

¹⁰ Оборотов Ю.М. Традиції та новації у правовому розвитку: монографія. Одеса, 2001. С. 26.

¹¹ Mathias W. Reimann, The progress and Failure of Comparative Law in the Second Half of the Twentieth Century // American Journal of Comparative Law, 50, no. 4 (2002). P. 691; Дождев Д.В. Цит. соч. С. 7-8.

¹² Benedicte Fauvarque-Cosson, Comparative Law and Conflict of Laws: Allies or Enemies? New Perspectives on an Old Couple // American Journal of Comparative Law. Summer 2001. P. 407-428; Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев, 2006. С. 296-297.

¹³ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы: Пер. с нем. М., 2000. С. 15.

зультат представлен. Правовые концепты проявляются в различных «ипостасях»; исследование форм их манифестации относится к предметной области юридических дисциплин, ориентированных на практику, тогда как основанная цель сравнительного правоведения (*telos*) — поиск лучшего решения на основе сопоставления сравниваемого правового материала. Такое «лучшее решение» для компаративиста предстает в форме наднационального знания о праве, выраженного в определенных понятиях. Лучшее решение приближено к тому или иному правовому идеалу — инварианту правового материала, полученного в результате выявления того общего, что присуще правовым порядкам, сложившимся в рамках единой правовой культуры.

Определенный таким образом предмет компаративистики характеризуется, в сравнении с предметами национальных правовых систем, высокой степенью абстрактности. Действительно, наука сравнительного правоведения «как и всякая наука, связана с универсалиями (абстракциями) и эти абстракции не являются нормами права, а выступают в форме правовых проблем. Соответственно, сравнение правовых норм возможно, если сравниваемые нормы решают одну и ту же проблему»¹⁴. Из сказанного следуют два важнейших для компаративистики вывода.

Во-первых, имплементация полученного в науке сравнительного правоведения результата в *corpus* национального законодательства угрожает утратой достигнутого «понимания между правовыми системами»¹⁵. Избежать такого последствия возможно лишь создав новый понятийно-категориальный аппарат, нивелирующий разночтения национально-правовой терминологии. При этом примем во внимание, что правовые концепты, выработанные в сравнительном правоведении, будучи перенесенными в сферу наднационального или же международного унифицированного законодательства, неизбежно приобретают форму позитивного права. Теоретическое осмысление позитивного права предполагает установление «догмы права» — «подлинного содержания властного подчинения»¹⁶.

Во-вторых, поскольку результат сравнения ожидается полезным, сравниваемый материал должен быть представлен «полезно сопоставимыми» фактами правовой культуры, выполняющими одну и ту же функцию»¹⁷. Основным плодотворным методом-

принципом сравнительного правоведения признается функциональный подход¹⁸, в соответствии с которым функция того или иного явления сравниваемой правовой действительности служит критерием сравнения (*tertium comparationis*), позволяющим выявить приемлемое для каждой правовой системы решение схожих проблем. Сравнимым в праве признается «лишь то, что выполняет одну и ту же задачу, одну и ту же функцию». С точки зрения сравнительного правоведения это значит, что «правопорядок каждой страны решает одну и ту же юридическую проблему по-своему, даже если конечный результат будет одинаков»¹⁹.

При этом функционализм исходит из предположения функциональной эквивалентности правовых институтов (*praesumptio similitudinis*), разрешающих схожие правовые проблемы. Если же будут установлены различия или полное отсутствие сходства в принимаемых решениях, то компаративисту потребуются вновь проверять, правильно ли и достаточно ли радикально поставлен вопрос о функциях исследуемых правовых институтов, равно как и вопросы о том, не сузил ли он сферу своего исследования²⁰. Следовательно, различия всегда должны быть объяснены, а сходства — нет. *Praesumptio similitudinis* — нефальсифицируемая гипотеза и до настоящего времени служит краеугольным камнем функционального подхода в праве.

Полученный в результате сравнения абстрактный правовой материал может быть выражен лишь в форме **теоретического построения**, свободного от концептуального контекста и лишённого подтекста национальной доктрины. Ни с концептуальной точки зрения, ни с точки зрения понятий национальное право не должно влиять на компаративиста, так как в поле зрения сравнительного правоведения всегда находятся лишь конкретные проблемы. Таким образом, функциональность исследуемых правовых порядков рассматривается в чистом виде, то есть без национальной специфики, присущей юридическим понятиям, доктринальным взглядам и искомым решениям. Исследование же вопросов применения выявленного приемлемого (лучшего) решения выходит за пределы предмета сравнительного правоведения, ибо предполагает учет специфических культурно-исторических особенностей конкретного правового порядка.

Применение функционального метода-принципа в сфере сравнительного правоведения, несмотря на

¹⁴ Ralf Michaels, Durham, The Functional Method of Comparative Law. P. 5. // <https://www.law.kuleuven.be/ccle/pdf/Michaels%20-%20Functional%20Method%20-%20edited.pdf>.

¹⁵ Дождев Д.В. Цит. соч. С. 12.

¹⁶ Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права: учеб. пособие. Новосибирск, 2006. С. 9.

¹⁷ Antonios Emmanuel Platsas. Op. cit.

¹⁸ Ralf Michaels, Durham, The Functional Method of Comparative Law. P.1.// <https://www.law.kuleuven.be/ccle/pdf/Michaels%20-%20Functional%20Method%20-%20edited.pdf>

¹⁹ Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы. Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000. С. 50.

²⁰ Там же. С. 60.

очевидные его преимущества, вызывает, тем не менее, и весьма существенные нарекания. Прежде всего, обращает на себя внимание многозначность понимания функционализма²¹. В компаративистике функционализм понимается в различных значениях: как поиск *tertium comparationes*; в эпистемологическом смысле, как определение функции функциональности; как предполагаемая функция (*praesumptio similitudinis*); как функция формализации правовых контекстов при построении правовой системы; в контексте аксиологии, как определитель «лучшего права»; в значении фактора универсализации права, и наконец, в значении элемента, выполняющего критическую функцию²².

Следует также обратить внимание на то, что краеугольное понятие функционализма в сравнительном правоведении — *tertium comparationes* — не остается неизменным, оно эволюционирует вместе с развитием сравнительного правоведения (от монистической интерпретации его как основания сравнимости у Э. Рабеля (*Ernst Rabel*) через классический функционализм К. Цвайгерта (*Konrad Zweigert*) и Х. Кётца (*Hein Kötz*) к пониманию его как эффективности права в духе *law and economics*, наконец, как «способа правового мышления, непосредственно не коррелирующего с эмпирикой действующего права»²³), оставляя компаративистам веру в положительный результат такой эволюции.

Ориентация на то, что сравниваемый правовой материал в результате применения функционального метода предстает в форме, лишенной концептуальности, характерной для той социально-культурной среды, откуда он заимствован, чревата методологической редукцией, разрушающей родовидовую соподчиненность: социальная действительность отождествляется с правовой²⁴. В конечном итоге результат функционального абстрагирования может привести к игнорированию культурного измерения правовых явлений. В таком случае сами правовые явления в деконцептуализированной форме могут рассматриваться лишь в утилитарном значении. Таким образом, функционализм упраздняет принципиальное различие между правом и иными социальными институтами.

Отмеченная особенность функционализма приводит к весьма значимым для права последствиям. Пре-

жде всего, право перестает служить монопольным нормативно-властным детерминативом социально значимых форм поведения и начинает рассматриваться как один из элементов социальной действительности (факт социальной действительности). В этой связи право рассматривается как сфера социального инжиниринга. К. Цвайгерт (*Konrad Zweigert*) и Х. Кётц (*Hein Kötz*) прямо утверждают, что «право — это «социальная технология», а правовая наука — социальная наука». До настоящего времени бытует мнение, что «именно такое понимание является одновременно как результатом, так и отправной точкой для раскрытия интеллектуального потенциала и методологии сравнительного права»²⁵. Однако, по справедливому замечанию Р. Михаельса (*Ralf Michaels*), в действительности для функционального метода «право и общество — соотносимые, хотя различные понятия»²⁶. С позиции методологии это означает, что применение функционального метода без учета структурного анализа приводит к упразднению принципиального различия между правом и иными социальными институтами.

Не менее значимыми видятся последствия применения функционального метода-принципа в ракурсе методологии. Как отмечалось выше, достаточным основанием науки сравнительного правоведения признаются не правовые нормы, а правовые проблемы, которые могут быть описаны в понятиях, общих для сравниваемых правовых систем. Таким образом, результат сравнительного правоведения выражается не в нормативной, а в понятийной форме. Понятийный уровень правовых концептов характерен для каждого из этапов становления сравнительного правоведения: для *ius commune* как «научно разработанного права, покоившегося на едином этическом фундаменте»²⁷, в эпоху «становления национальных государств, когда универсальной теории и методологии не соответствовало позитивное право»²⁸, в текущий период, характеризующийся развитием регионального наднационального и вненационального права.

В связи с применением метода понятийных конструкций возникает вопрос о самодостаточности нормативного материала. Ведь анализ структуры того или иного понятия основывается на логической дедукции, либо на заключении по аналогии, тогда как право — сфера социальной жизни — не может игнорировать «факты первичного порядка, представляющие собой примеры конкретных действий законодателей, судей

²¹ Ralf Michaels, Durham. Op. cit. P. 5.

²² См.: Antonios Emmanuel Platsas, The Functional and the Dysfunctional in the Comparative Method of Law: Some Critical Remarks, vol 12.3 Electronic Journal of Comparative Law, (December 2008). P. 9. //http://www.ejcl.org/123/art123-3.pdf>.

²³ Ткаченко А.В. Функционалистская парадигма сравнительно-правовых исследований: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2011. С. 5.

²⁴ См.: Дождев Д.В. Цит. соч. С. 15.

²⁵ Цвайгерт К., Кётц Х. Цит. соч. С. 72.

²⁶ Ralf Michaels, Durham, Op. cit. p. 2.

²⁷ Циммерманн Рейнхард. Цит. соч. С. 229.

²⁸ Дождев Д.В. Цит. соч. С. 8

и других лиц (включая обычных граждан)²⁹. Игнорирование названных фактов, представляющих в широком смысле социально-политический контекст, ведет, по меньшей мере, к недооценке издержек, связанных с преодолением сопротивления среды при восприятии правой традиции (*path dependency theory*)³⁰.

С другой стороны, гипертрофированное понимание социального, политического, экономического, культурного контекста, отрицание относительной автономности права в конечном итоге приводят к элиминированию самой идеи права. Исследования, проведенные А. Уотсоном (*Alan Watson*), показывают, что право обладает относительной самостоятельностью и занимает определенное место в системе социальных явлений³¹. Действительно, никакая рецепция не была бы возможна в принципе, если бы не существовало «существенной дистанции между нормой-саженцем и рецепирующей правовой системой»³².

Итак, теоретические конструкты, выработанные в рамках сравнительного правоведения, единственной формой своего выражения имеют правовые понятия. Анализ этих понятий следует начинать со сбора правового материала, оцениваемого как факт правовой (нормативной) действительности. Правовые понятия воспринимаются как конструкты, обладающие заданной структурой, отвечающей типовой функции, которую выполняет соответствующий элемент правовой действительности. Таким образом, полноценный анализ сравниваемой правовой действительности предполагает выделение правовых метанарративов — категорий (правовых идей), выполняющих типизированную функцию, направленных на создание единого типа описания. Обусловлено это тем, что функция выражается в понятии, воспринимаемом участниками правового общения (коммуникативная функция), понятие же отражает ту или иную правовую идею в определенной структуре. С точки зрения методологии речь в данном случае идет о поиске категорий, анализ которых позволил бы дать ответ о схожести или различиях в определенных сферах права, в случае, когда возникает необходимость обратиться к рецепции.

Правовые понятия обнаруживают себя в правовом общении посредством фактов, проявляющих себя различно на уровне действия права и в сфере сравнительного

правоведения. И в первом, и во втором случае факт — форма эмпирического знания (имеющего внешнюю объективацию). Однако, если в науке истинность постигается исходя из логического анализа, что предполагает выводимость понятия из действительного положения дел, то в сфере права истинность нормативного предписания сама по себе не следует из того или иного жизненного обстоятельства. Поэтому правовые последствия определены тем, что правопорядок признает за тем или иным фактом определенные свойства (реквизиты). Действительность, подчиненную воле лица, следует признать субъективной. Таким образом, факт как основание возникновения определенной правовой ситуации относится к субъективной действительности, поскольку зависит от воли лица, вступающего в правовое общение. Правовая ситуация, как результат проявленного волевого поведения, представлена субъективными правами, прерогативами и обязанностями. Принято считать, что права и обязанности составляют содержание правоотношения — понятия, которое, с одной стороны, отражают наличную правовую связь, установленную между субъектами правового общения, а с другой — теоретическую абстракцию, позволяющую определить тип правовой связи.

Из сказанного видно, что само по себе правоотношение, вне типизированной формы, искомым результатом сравнительно-правового анализа быть не может. Внешняя объективация субъективного содержания правоотношения достигается посредством закрепления прав и обязанностей нормами объективного права. Однако нормативный уровень правовой действительности, как было показано выше, также не может быть востребован для целей сравнительного правоведения: механизм развития права, в том числе при рецепции, не может быть объяснен нормативным уровнем описания правовой действительности, не избегая при этом тавтологии.

В самом деле, перенос норм (нормативных предписаний) одного правопорядка в другой, вне контекста правовой определенности³³ — одного из ключевых принципов построения правовой системы, — невозможен. В иных случаях рецепция нормативных высказываний без учета особенностей правовых конструкций национального права приводит к деформации национальных правовых систем, не давая взамен должного положительного эффекта. С точки зрения методологии речь в данном случае идет о поиске метаправовых категорий, анализ которых позволил бы дать ответ о схожести или различиях в определенных сферах права, в

²⁹ Деннис Ллойд. Идея права / перевод с английского М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева. 5-е изд. М.: «КНИГОДЕЛ», 2009. С. 112.

³⁰ Ugo A. Mattei, Luisa Antonioli and Andrea Rossato, *Comparative Law and Economics*// Università Degli Studi di Trento // <http://encyclo.findlaw.com/0560book.pdf>

³¹ См.: Watson A. *Legal Transplants: An Approach to Comparative Law*. 2 nd ed. Athens; Georgia, 2001.

³² См.: Дождев Д.В. Цит. соч. С. 18.

³³ В национальном праве правовая определенность достигается посредством формализации и ритуализации правовых процедур — действий политической власти, которые, в виду их властной природы, не могут быть использованы как объекты правовой трансляции, разумеется, при условии сохранения автономности правовой системы.

случае, когда возникает необходимость обратиться к рецепции.

Представляется, что при отыскании метаправовых категорий, предшествующих правовому высказыванию, нет необходимости обращаться к социальным феноменам, выходящим за предмет науки права, поскольку в этом случае нарушается идентичное представления о праве как автономной сфере. Действительно, «единство правовой системы определяется наличием собственного предмета и собственной системы категорий, которая неизбежно перекодирует любые импульсы, получаемые от других систем»³⁴. Право обладает относительной автономностью среди других социально-гуманитарных явлений и представляет собой самоорганизующуюся систему (*autopoietic system*). В этой связи Г. Теубнер (*Gunther Teubner*) отмечает принципиальное отличие права от экономических «правил игры»: «...суть (ядро) различия состоит в том, что экономические институты ограничивают и стимулируют структуры, влияющие на расходы и доходы, исчисляемые экономическими агентами, тогда как правовые институты являются ансамблем юридически обязывающих норм, регламентирующих разрешение конфликтов»³⁵. С другой стороны, социальные и правовые аспекты, выраженные, например, в связывающем стороны соглашении, также не совпадают; такое соглашение не создает единство правового и социального содержания и, подобно двуликому Янусу, его составляющие — социальная и правовая — «смотрят в разные стороны»³⁶. Таким образом, можно констатировать, что различные аспекты социально-гуманитарной действительности, представленные единым объектом, связаны друг с другом не линейно, между ними отсутствует линейная детерминация. Кроме того, характер связи предметной сферы с данным единым объектом допустимо определить как «эвристическое соответствие». Научная гипотеза не извлекается из социально-гуманитарной реальности, а, имея собственное измерение, формируется в предмете, «упорядочивая не явления, а знания»³⁷, и поэтому может существовать лишь как рефлексия лица, действующего в сфере права.

Итак, допустимо утверждать, что отыскание «явления», позволяющего достигнуть определенности правового высказывания и способного служить про-

явленным результатом функционально-структурного анализа в механизме рецепции, возможно лишь в сфере правовой действительности. Такое правовое «явление» должно быть способно к выражению в объективной (знаковой) форме; оно должно отличаться определенностью, автономностью среди других социальных фактов и при этом не совпадать с определенной (индивидуализированной) формой права. Такое «явление» есть сущее в значении потенциального бытия, причем актуальный модус его существования возможен благодаря актам, совершаемым субъектами правового общения. В своем потенциальном существовании искомое «явление» может быть представлено в форме теоретического конструкта. Единое понятие, охватывающее потенциальный и актуальный модус правовой действительности, известен в юридической науке под именем «правовая (юридическая) конструкция».

На **теоретическом уровне** юридическая конструкция «предстает перед нами своего рода структурной идеей определенного вида правовых явлений»³⁸. Предложенный подход предопределен последовательным различением объекта юридической науки как внешней по отношению к исследователю реальности и ее теоретического описания «средствами науки как предмета»³⁹. Это означает, что с методологической точки зрения предметом сравнения выступает «субъективная реальность», созданная «самой наукой, существующая лишь постольку, поскольку есть знания об объекте»⁴⁰. В таком понимании юридическая конструкция служит приемом (способом) познания права, логические пределы применения которого заданы границами «юриспруденции понятий» (*Begriffsjurisprudenz*). Напомним, что представители этого учения пытались обнаружить начало права в некоем мистическом «народном духе», отрицая, таким образом, возможность «горизонтальной», синхронической рецепции. Однако именно на рассматриваемом уровне правовые конструкции предстают в виде интеллектуального разрешения определенного вопроса, «выраженного в оптимальной модели построения прав, обязанностей, соответствующих юридических фактов»⁴¹, и в этом качестве имеют устойчивую преемственность, обеспечивая перенос (традицию) полученного результата сравнения в иную правовую культуру. В этой связи допустимо предположение, что правовая традиция (*sensu lato*) — это тот искомый генерализированный инвариант, который может быть вос-

³⁴ Дождев Д.В. Цит. соч. С. 20.

³⁵ Gunther Teubner *Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergences* // *The Modern Law Review*. N 61. 1998. P. 27.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ Тарасов Н.Н. *Методологические проблемы юридической науки*. Издательство Гуманитарного университета, Екатеринбург, 2001. С. 12.

³⁸ Чевычелов В.В. *Юридическая конструкция*: дисс. на соиск. уч. ст. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2005. С. 44.

³⁹ Тарасов Н.Н. Цит. соч. С. 134.

⁴⁰ Юдин Э.Г. *Методология науки. Системность. Деятельность*. М.: УРСС, 1997. С. 124.

⁴¹ Алексеев С.С. *Избранное*. М.: «Статут», 2003. С. 197.

принят иной правовой культурой. Сказанное позволяет сделать вывод, что «в основе той или иной правовой культуры лежит общность правовых идей как результат манифестации определенной правовой традиции, находящихся соответствующее воплощение в типизированных правовых формах»⁴².

В свою очередь, на **нормативном уровне** юридические конструкции закрепляют «сложившуюся типовую схему, модель поведения» в нормах объективного права («нормативная (юридическая) конструкция»). Причем юридические конструкции не следует отождествлять непосредственно с нормативными высказываниями; среди правовых явлений они занимают определенное положение. Другими словами, юридическая конструкция не тождественна «фрагментам действительного позитивного права», выводимого из того же права. Во всяком случае, юридическая конструкция не следует и не предшествует норме права (в значении приказа), но позволяет норме права (в указанном значении) воплотиться в ткани позитивного права, объективироваться в правовом высказывании. В этом смысле юридические конструкции предстают как «органический элемент собственного содержания права»⁴³, причем «достоинство той или иной юридической системы — это в не малой мере совершенство характерных для нее юридических конструкций»⁴⁴. Заметим, что признание нормативного уровня выражения правовых конструкций снимает проблему удвоения онтологии юридических феноменов и исключает необходимость дополнения феноменального измерения миром ноуменальных сущностей в форме актов воли субъектов юридического общения. «Понимание юридических конструкций как собственного содержания права, — по справедливому замечанию Н.Н. Тарасова, — помимо обозначения новых эвристических горизонтов юридического исследования, представляется чрезвычайно плодотворным для преодоления отношения к праву как форме, не имеющей собственной истории, собственного содержания, сложившегося в рамках парадигмы социально-экономического детерминизма»⁴⁵.

Собственно термин «конструкция» (лат. *constructio* — составление, построение) указывает на состав и взаимное расположение частей, образующих единое целое. Всякая юридическая конструкция может быть представ-

лена как структура (лат. *structura* — строение, внутреннее устройство чего-либо), которая отражает ее внутреннюю форму. Рассмотрение юридической конструкции как структуры (структурный метод) предполагает перенос акцента с целого на части (элементы), его составляющие. Еще раз обратим внимание, что функция юридической конструкции реализуется лишь в тесной связи с ее структурой. Как целостное образование юридическая конструкция обладает и вовне проявленной формой. Следовательно, ее анализ возможен не только с позиции отдельных элементов, но и с точки зрения целостности. При описании юридической конструкции как целостной структуры наглядно проявляются её системные свойства. Связано это с тем, что взаимосвязанные элементы структуры порождают качественно новые свойства целого, не тождественные свойствам элементам целого. Причем эти элементы обладают самостоятельным юридическим смыслом лишь в силу существования целого — юридической конструкции.

Исследование нормативной функции юридической конструкции показывает, что процесс восприятия новых нормативных образований обусловлен тем, что исследуемый первичный правовой материал выступает в качестве модели (образца). В процессе рецепции необходимо абстрагироваться, выделить юридическую конструкцию, объективирующую сущностные элементы правовой действительности «чужого» правопорядка и выполняющую определенную функцию, а затем выразить ее в форме нормативных предписаний в *corpus iuris* национального права, обеспечив тем самым его экзогенное развитие. Применимый в этом случае метод структурного анализа (структурализм) предполагает выявление содержания структуры как модели (образца). При этом элементы структуры (знаки) определяются «некоторыми качествами, которыми обладает совокупность элементов, чья природа не уточняется»⁴⁶; другими словами, такие элементы не рассматриваются в качестве сущностей. Юридическая конструкция в этом случае выполняет функцию репрезентативной модели, ее содержание изоморфно определенному числу других содержаний, поскольку на данном уровне конструкция предстает в десубстантивированном измерении (структура не есть сущность). Факт применения метода структурного анализа при исследовании юридических конструкций позволяет утверждать, что именно конструкция может служить релевантным объектом науки сравнительного правоведения. Такой вывод основывается на гипотезе о том, что «структурализм есть ни что иное, как компаративистский метод»⁴⁷.

⁴² Халабуденко О.А. Порівняльне правознавство: функції, структура, конструкція // Науково-практичний фаховий журнал «Порівняльне правознавство».]]]]]]3 1-2/2012. С. 117.

⁴³ Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. С. 39.

⁴⁴ Там же. С. 40.

⁴⁵ Тарасов Н.Н. Цит. соч. С. 244.

⁴⁶ Декомб В. Современная французская философия: [Сборник] / Пер. с франц. М.: Изд-во «Весь мир», 2000. С. 85.

⁴⁷ Там же.

Таким образом, согласно канонам структурной компаративистики, дает результат сравнение не отдельных элементов структуры, а сравнение соответствующих конструкций, точнее особых, присущих данной структуре отношений, складывающихся между ее элементами. Сравнимые отношения, установленные между элементами структуры, предстают в типизированной форме. Поскольку функция реализуется в структуре, данные отношения выражают соответствующие функции структуры юридической конструкции, сами же структуры могут принципиально различаться.

Наконец, юридическую конструкцию допустимо рассматривать **в значении сущности**, значимой для конкретного участника правового общения. Такой характер юридическая конструкция приобретает тогда, когда в ней обнаруживается некий «центр». Таким центром выступает юридический акт или факт. Так, с момента выражения воли субъектом правового общения, гражданско-правовая юридическая конструкция, к примеру, договорное обязательство, субстантивируется (в значении *existentia*), становится подлежащей толкованию «юридической сущностью». Возможность, заложенная на нормативном уровне, становится правовой действительностью.

В целом юридическая конструкция, на наш взгляд, представляет собой первичный правовой концепт, способный к объективации в нормах права и выступающий, при наличии основания, субстанциональным правовым началом. Следовательно, определенность в нормах права субъективных прерогатив и обязанностей достигается не спонтанно, в силу веления законодателя, а опирается на концепт, обеспечивающий их объективацию и субстантивацию в связи с тем или иным фактом. Сами юридические конструкции могут рассматриваться как генерализированные социальные факты, юридические признаки и свойства которых значимы для участников правового общения. Юридические конструкции выступают в трех модусах: во-первых, как предметная сфера права, выраженная в форме теоретических построений; во-вторых, как знаковая форма, выраженная в нормативных предписаниях и выполняющая функцию означаемого, а, следовательно, имеющая референцию к понятию, а не к субстанции; в-третьих, как субстантивированная единица — генерализированный социальный факт, толкуемый с точки зрения элементов, характеризующих его как правовое явление.

Отметим, что конструкция как социальный факт, как и всякий факт, всегда теоретически нагружена: ведь научное исследование начинается не со сбора фактов, а с выдвижения гипотезы. В свою очередь, выделение теоретического уровня измерения юридических конструкций предполагает учет рефлексии познающего действительность субъекта. Результативным методом

познания в этом случае может служить деконструкция, дающая возможность подойти критически не только к объекту исследования, но и к самому субъекту, осуществляющему акт познания. Таким образом, «деконструкция может предстать как метод... критического исследования объекта и самого субъекта, характеризующийся двойной рефлексией»⁴⁸: во-первых, в виде рефлексии над объектом — срезом правовой реальности; во-вторых, в виде рефлексии над самим автором, учитывая его идиосинкразическую характеристику.

Деконструкция прежде всего тесно связана с юридическим измерением правовой культуры. С точки зрения объекта, деконструировать — значит освободить, открыть закон, сделать его более гибким, внутренне доступным пересмотру и улучшению, а потому «деконструкция становится... условием динамики законов, одним из механизмов их совершенствования»⁴⁹. Принятие позиции Р. Барта (*Roland Barthes*) и Ж. Деррида (*Jacques Derrida*), отрицающих однозначность и необходимость связи означющего и означаемого⁵⁰, дает основание утверждать, что знаки приобретают самостоятельное существование и начинают тотально подчинять себе человека. В таком случае анализ правовых явлений с точки зрения структуры и функции (конструкции) позволяет раскрыть скрытые смыслы властных велений, что важно при рецепции соответствующей конструкции воспринимающим правопорядком.

С точки зрения субъекта, деконструкция связана с юридической практикой. Согласно М. Фуко (*Michel Foucault*), детерминантами субъекта в европейской правовой культуре «выступают правовые механизмы и организация закона», и в этом смысле «субъект появляется как то, к чему может быть приложена власть»; «это уже не просто субъект, но всегда уже субъект права»⁵¹. Причем возможность быть субъектом права и, соответственно, объектом правового воздействия, предопределена наличием того, что в классическом представлении позволяет противопоставить субъект объекту — свободой воли и способностью обобщать социальный опыт. Более того, положение субъекта, включенного в правовой контекст, можно описывать через его место в структуре, через его типовую функцию. Из сказанного, как минимум, следует принципиальная невозможность

⁴⁸ Постклассическая теория права: монография / Честнов И.Л. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 31-32.

⁴⁹ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 270

⁵⁰ Постклассическая теория права. Цит. соч. С. 43.

⁵¹ Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию / Д.Э. Гаспарян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 279.

существования структуры (конструкции) без учета действий самого субъекта. Структура, существующая за внешним проявлением любого предмета (феномена), без учета поведения субъекта лишена смысла. С другой стороны, сам субъект признается участником правового общения лишь в случае, когда он обладает качествами лица (лат. *persona* — маска), ибо лицо есть «слепок» юридически значимых качеств, позволяющих определить возможность индивида быть участником правового общения. Таким образом, субъект, включенный в правовой контекст, — это всегда конструкция. Следовательно, положение субъекта, включенного в правовой контекст, можно описывать через его место в структуре, через его типовую функцию.

Итак, анализ конструктивистской эпистемологии позволяет утверждать, что наука сравнительного правоведения, изучая «чужое» право, не открывает в нем правовых явлений, а конструирует их через описание и измерение для того, чтобы, при необходимости, перенести соответствующую конструкцию в сферу «своего» права. Применение метода конструктивизма действительно позволяет снять некоторые «антиномии классической метафизики: объективное/ субъективное, сущность/явление... и сформулировать адекватную изменившимся социально-культурным условиям постклассическую научно-исследовательскую программу»⁵², применимую, на наш взгляд, в полной мере к сфере сравнительного правоведения.

Библиографический список:

1. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
2. Алексеев С.С. Избранное. М.: «Статут», 2003.
3. Алексеев С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития — надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000.
4. Афонасин Е.В., Дидикин А.Б. Философия права: учеб. пособие. Новосибирск, 2006.
5. Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию/ Д.Э. Гаспарян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
6. Декомб В. Современная французская философия: [Сборник] / Пер. с франц. М.: Изд-во «Весь мир», 2000.
7. Деннис Ллойд. Идея права / перевод с английского М.А. Юмашева, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. 5-е. изд. М.: «КНИГОДЕЛ», 2009.
8. Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы // Российский ежегодник сравнительного права, 2007 / под ред. Д.В. Дождева. СПб., 2008. С. 7-28.
9. Иеринг Ф. Юридическая техника / Избранные труды: в 2 т. Т. II. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.
10. Мережко А.А. Наука международного частного права: история и современность. Киев: Таксон, 2006.
11. Оборотов Ю.М. Традиції та новації у правовому розвитку: монографія. Одеса: Юридична література, 2001.
12. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов. М.: Academia, 2008.
13. Постклассическая теория права: монография / И.Л. Честнов. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012.
14. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Изд-во Гуманитарного университета, Екатеринбург, 2001.
15. Ткаченко А.В. Функционалистская парадигма сравнительно-правовых исследований: автореф. дис... канд. юрид. наук. Киев, 2011.
16. Халабуденко О.А. К вопросу становления понятия «юридическая конструкция» // Закон и жизнь. № 10 (228), 2010. С. 15-23.
17. Халабуденко О.А. Порівняльне правознавство: функції, структура, конструкція // Науково-практичний фаховий журнал «Порівняльне правознавство». № 1-2/2012. С. 115-124.
18. Харитонов О.І., Харитонов Є.О. Порівняльне право Європи: Основи порівняльного правознавства. Європейські традиції. Х.: «Одіссей», 2002.
19. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. I. Основы: Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000.
20. Циммерманн Рейнхард. Римское право и Европейская культура // Вестник Гражданского права. № 4. 2007. Т. 7. С. 209-238.
21. Чевычелов В.В. Юридическая конструкция: Дис. на соиск. уч. ст. ... канд. юрид. наук. Новгород, 2005.
22. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: УРСС, 1997.
23. Antonios Emmanuel Platsas. The Functional and the Dysfunctional in the Comparative Method of Law: Some Critical

⁵² Постклассическая теория права. Цит. соч. С. 92.

- Remarks, vol 12.3 Electronic Journal of Comparative Law, (December 2008) // <http://www.ejcl.org/123/art123-3.pdf>.
24. Benedicte Fauvarque-Cosson. Comparative Law and Conflict of Laws: Allies or Enemies? New Perspectives on an Old Couple // American Journal of Comparative Law. Summer 2001. P. 407-428.
 25. Gunther Teubner Legal Irritants: Good Faith in British Law or How Unifying Law Ends Up in New Divergences//The Modern Law Review. N 61. 1998. P. 11-32.
 26. Marcelo Neves. From the Autopoiesis to the Allopoiesis of Law// Journal of Law and Society. Volume 28, Issue 2, June 2001. P. 242–264.
 27. Mathias W. Reimann. The progress and Failure of Comparative Law in the Second Half of the Twentieth Century // American Journal of Comparative Law, 50, no. 4 (2002). P. 671-700.
 28. Ralf Michaels, Durham. The Functional Method of Comparative Law // <https://www.law.kuleuven.be/ccle/pdf/Michaels%20-%20Functional%20Method%20-%20edited.pdf>
 29. René David. Comarative Law// Encyclopædia Britannica Online // <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/129640/comparative-law>
 30. Ugo A. Mattei, Luisa Antonioli and Andrea Rossato. Comparative Law and Economics// Università Degli Studi di Trento// <http://encyclo.findlaw.com/0560book.pdf>
 31. Watson A. Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. 2 nd ed. Athens; Georgia, 2001.

References (transliteration):

1. Avtonomova N.S. Filosofskiy yazyk Zhaka Derrida. M.: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011.
2. Alekseev S.S. Izbrannoe. M.: «Statut», 2003.
3. Alekseev S.S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitiya — nadezhda i drama sovremennoy epohi. M.: Statut, 2000.
4. Afonasin E.V., Didikin A.B. Filosofiya prava: Ucheb. posobie. Novosibirsk, 2006.
5. Gasparyan D.E. Vvedenie v neklassicheskuyu filosofiyu / D.E. Gasparyan. M.: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011.
6. Dekomb V. Sovremennaya francuzskaya filosofiya: [Sbornik] / Per. s franc. M.: Izdatel'stvo «Ves' mir», 2000.
7. Dennis Lloyd. Ideya prava /perevod s angliyskogo M.A. Yumasheva, Yu.M. Yumasheva; nauchnyy redaktor Yu.M. Yumashev. Izd. 5-e. M.: «KNIGODEL», 2009.
8. Dozhdev D.V. Sravnitel'noe pravo: sostoyanie i perspektivy // Rossiyskiy ezhegodnik sravnitel'nogo prava. 2007 / pod red. D.V. Dozhdeva. SPb., 2008. S. 7-28.
9. Iering f. Yuridicheskaya tehnika / Izbrannye trudy: v 2 t. T. II. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskii centr Press», 2006.
10. Merezhko A.A. Nauka mezhdunarodnogo chastnogo prava: istoriya i sovremennost'. Kiev: Takson, 2006.
11. Oborotov Yu.M. Tradicii ta novacii u pravovomu rozvitku: monografiya. Odesa: Yuridichna literatura, 2001.
12. Poldnikov D.Yu. Dogovornye teorii glossatorov. M.: Academia, 2008.
13. Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya / Chestnov I.L. SPb.: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2012.
14. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoy nauki. Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, Ekaterinburg, 2001.
15. Tkachenko A.V. Funkcionalistkaya paradigma sravnitel'no-pravovyh issledovaniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Kiev, 2011.
16. Halabudenko O.A. K voprosu stanovleniya ponyatiya «yuridicheskaya konstrukciya» // Zakon i zhizn'. № 10 (228). 2010. S. 15-23.
17. Halabudenko O.A. Porivnyal'ne pravoznavstvo: funkci, struktura, konstrukciya // Naukovo-praktichniy fahoviy zhurnal «Porivnyal'ne pravoznavstvo». № 1-2/2012. S. 115-124.
18. Haritonova O.I., Haritonov E.O. Porivnyal'ne pravo Evropi: Osnovi porivnyal'nogo pravoznavstva. Evropeys'ki tradicii. H.: «Odissey», 2002.
19. Cvaygert K., Ketc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastogo prava: v 2 t. T. I. Osnovy: Per. s nem. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 2000.
20. Cimmermann Reynhard. Rimskoe pravo i Evropeyskaya kul'tura // Vestnik Grazhdanskogo prava. № 4. 2007. T. 7. S. 209-238.
21. Chevychelov V.V. Yuridicheskaya konstrukciya/ Diss. na soisk. uchen. stepeni kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2005.
22. Yudin E. G. Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'. M.: URSS, 1997.